Хлынина Т. П. История и социальная практика: Проблемы взаимодействия / Т. П. Хлынина // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 73-79.

Т. П. Хлынина

ИСТОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ *

Последние десятилетия ушедшего и начавшегося столетий стали свидетелями настоящего историографического бума. Только одно количество опубликованных за этот период статей, монографий и популярных изданий поставило под сомнение статус истории как научной дисциплины [1, с. 98], а попытки переосмысления ключевых событий недавнего прошлого уже вызвали нервозную реакцию со стороны государства [2]. Вместе с тем неослабевающий интерес к прошлому, его незримому и явно осязаемому присутствию в окружающей нас действительности свидетельствует об особой роли истории в жизни российского общества [3]. Начавшийся еще в эпоху Просвещения поиск надлежащего нам цивилизационного ряда, который вмещал бы в себя и безбрежное, разбегающееся пространство страны, и ее высокое христианское предназначение, привел к постепенной реификации прошлого: из наследия-символа оно превратилось в живое подтверждение онтологической избранности и высокого предназначения российской цивилизации. Подобного рода метаморфозы не могли не сказаться и на положении гуманитарного знания в социальном пространстве страны. Как отмечают специалисты, оно все еще остается «не совсем привычным. Нормальным признается его маргинальное место. Когда общество готово забыть о своих насущных заботах и обуяно страстью узнать, что случилось в далеком или недавнем прошлом, с ним что-то не в порядке: оно страдает либо от внутреннего антагонизма, либо от комплекса национальной вины, либо от комплекса национальной неполноценности» [4, с. 27].

«Новое» историческое знание и социальная практика. Современное общество с его сложносоставной социальной структурой, сосуществованием анклавов традиционализма и проявлений постиндустриального мира все чаще обращается к истории как науке, которая «стабилизирует наш образ прошлого, тогда как нормальным процессом является именно его изменение» [5, с. 559]. Завораживающая обращенность в прошлое, а также активная апелляция к нему характерны для многих российских народов. Профессиональные сообщества вполне обоснованно обеспокоены судьбой этнических культур, но они пытаются прояснить и причины нынешней обостренности массового исторического сознания, состояние которого во многом определяется достижениями все той же профессиональной историографии.

Сегодня знание о прошлом вновь оказывается на опасном перепутье между долгом исследователя «показать всю полноту того, чтобы было» и государственной заинтересованностью лишь в ее определенной части. Усилия по его преодолению привели историков к осознанию парадоксального положения, поставившего под сомнение сам факт возможности существования в истории объективности как таковой. Объективное представление о прошлом традиционно связывалось с наличием репрезентативного источника, которым являлись любые его свидетельства как вещественного, так и письменного происхождения.

За последние 10—15 лет Россия пережила грандиозную архивную революцию. Взрыв интереса к историческому прошлому, одновременно совпавший с ниспровержением его со-

---

* Работа выполнена в рамках проекта «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона» программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез» на 2009—2011 гг.

Хлынина Татьяна Павловна — главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН, доктор исторических наук (г. Ростов-на-Дону, Россия)

ветских устоев, вызвал не только профессиональный, но и общественный ажиотаж вокруг отечественных архивов. Архивные документы стали аргументом в многочисленных дебатах относительно выбора пути развития общества, его избавления от неясного и сомнительного прошлого. Однако ясности в прошлом не прибавлялось, оно по-прежнему остается ареной ожесточенных идеологических столкновений и требует своего однозначного истолкования.

В этой ситуации, когда вплотную столкнулись интересы государства, нуждавшегося в стабилизации исторической памяти, общества, все еще ждавшего от своего непредсказуемого прошлого сенсационных разоблачений, и профессионального сообщества, пожалуй, впервые получившего возможность беспрепятственной работы в архивах, история превратилась в весьма опасное занятие. Она перестала удовлетворять не только эмоциональные запросы общества, но и элементарные потребности государственной безопасности. Целенаправленное разрушение образа великой страны, в особенности его советской составляющей, к началу 1990-х гг. привело «к денационализации памяти», когда историческая память «обрела частный, приватный характер» [3, с. 8]. Следствием хаотизации прошлого стало закрытие архивов, которые постепенно вернулись к статусу госучреждений по надзору за хранением, комплектованием и целевым использованием документов.

В этом качестве архивы могли бы существовать и дальше, если бы не одно обстоятельство — стремление профессионального сообщества видеть в архиве не столько учреждение, столько овеществленный образ прошлого, источник его неиссякаемого присутствия в настоящем. За годы своего существования архивы для историка приобрели характер оценочной институции, посредством которой труд специалиста получает свое профессиональное признание. Именно использование архивного документа определяло и по-прежнему определяет научность исторического сочинения и его принадлежность к академической истории.

Вместе с тем классические концепты истории и исторического знания испытывают сильнейшее давление как со стороны внешних геосоциальных обстоятельств, так и «собственных внутренних колебаний и вызовов». Происходит переоткрытие природы исторического знания, усиливаются тенденции «радикального скептицизма, адресованные классической глобальной истории», меняются представления о значимости и месте исторического источника [6, с. 82]. Все эти перемены оказались неизбежным следствием расширения области традиционного историописания, вторжения в его пространство уже со второй половины XX в. принципа междисциплинарности. Осознание его возможностей привело к становлению «новой исторической науки», выступившей против «событийно-описательной истории и объяснения событий прошлого действием универсальных закономерностей», представления «о полной зависимости ученого от документа» [7, с. 228—229]. В недрах «новой исторической науки», пожалуй, впервые со времен В. Дильтея источник ставился в прямую зависимость от творческой активности самого исследователя и решаемой им научной проблемы, определяющей не только отбор свидетельств прошлого, но и ракурс их освещения.

Идея междисциплинарности и поиски нового методологического синтеза привели к осознанию родовой близости истории и литературы; появлению представлений о труде историка как о литературном произведении, историческом нарративе, где неизбежно возникающая дистанция между источником и его толкователем (профессиональным читателем) восполняется силой воображения последнего. При этом сам источник перемещается в плоскость породившей его культуры и рассматривается в качестве текста, вбирающего в себя разнообразные смысловые коннотации времени, пристрастия его автора и коллективные представления о значимости передаваемых событий. Таким образом, в пространстве нового междисциплинарного синтеза исторический источник окончательно утрачивает статус самодостаточного фрагмента реальности, все более наделяясь свойствами рукотворности происхождения и схожести с литературным произведением. Исчезновение диктата и монополии на истину письменной истории заставило исследователя обратиться к нетрадиционным для ис-

торической науки источникам – фольклору, этнографии и эпическому наследию. Проблема достоверности содержащихся в них сведений неоднократно обсуждалась на страницах научных изданий. Однако сомнительность эта довольно быстро преодолевается, обретая надежное методологическое обоснование в обновленной региональной историографии.

Между тем изменения, переживаемые историей как наукой и частью массового сознания, не столь однозначны и предельны в своих проявлениях. С одной стороны, знание о прошлом все более тяготеет к повествовательности (*historia rerum gestarum)*, утрачивая свойственные рациональному познанию аналитичность и склонность к выявлению законосообразностей общественного развития. С другой — порождает обоснованный вопрос о его практической значимости. Если в эпоху «торжества социализма в одной отдельно взятой стране» история являлась идеологическим рупором его достижений, инструментом предугадывания будущности мирового социализма, то в настоящее время она практически утратила свой созидательный пафос. Попытки государства и части общественности вернуть ей изначальное предназначение *magistra vitae*, источника мудрости и любви к родине натолкнулись на сопротивление профессионального сообщества, желающего видеть в истории прежде всего науку. Причем такую, которая «не дает готовых результатов», а «скорее, ставит под вопрос наши представления о прошлом и тем самым предостерегает нас от завышенной оценки нынешней эпохи» [8, с. 356]. История получила возможность попробовать себя в качестве эксперта, оценщика наследия прошлого и использования его опыта в построении будущего.

Социогуманитарная экспертиза и знание о прошлом. Социогуманитарная экспертиза — это формирующийся вид экспертных оценок, для которого характерно отсутствие общепризнанного представления о собственном смысле и предназначении. Тем не менее большинство специалистов сходится во мнении, что таковой следует признать определенный вид исследования, направленного на решение какой-либо социально значимой задачи. В данном случае речь идет о классе трудноформализуемых задач, для разрешения которых требуется привлечение профессионалов, обладающих соответствующим опытом и знаниями. Целью экспертного заключения является установление соответствия деятельности органов власти принятому законодательству и интересам граждан, а также выработка рекомендаций для достижения этого соответствия. Оно включает в себя диагностику состояния исследуемого объекта (процесса), установление информации о нем и окружающей среде, прогнозирование его последующих изменений, выработку рекомендаций для принятия управленческих решений. Самым уязвимым местом социогуманитарной экспертизы остается ее зависимость от позиции специалиста, его профессиональной подготовленности и гражданской ответственности.

В последние годы вопрос о формах участия «специалистов в жизни Града» породил немало дельных предложений, направленных на преодоление той огромной пропасти, которая образовалась между науками об обществе и его реальной жизнью [9]. По мнению президента Всемирной ассоциации социологов М. Вевьерки, таких форм как минимум две. Она из них, осуществляемая сверхкритичным интеллектуалом, сочетает исследовательскую активность специалиста с его политической деятельностью; другая, реализуемая экспертом, проводит обучение властей и передачу им знаний. При этом «проблемы науки и проблемы вовлеченности в дела общества не должны разделяться» [10, с. 12]. Экспертами выступают работающие в различных областях социогуманитарного знания ведущие ученые. Так, при исследовании конфликта цивилизаций в российских регионах таковыми оказались «41 специалист из всех федеральных округов России». Состав экспертов сформировался в ходе нескольких конгрессов конфликтологов, а также совместно подготовленных монографий и научных сборников [11, с. 75]. Усилиями Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при Отделении общественных наук РАН проводится работа по развитию интернет-экспертного сообщества. Как следует из «Обращения к участнику конференции», полученного автором, его «аналогом является известное экспертное сообщество ЦРУ США,

возможностями которого широко пользуются официальные структуры американского государства. Речь идет о сетевом интеллекте как о современном инструменте научного процесса. Экспертное сообщество решает конкретные задачи: проводит анализ и дает прогноз развития социально-экономической и политической ситуаций в стране, участвует в инициативных проектах по актуальным и проблемным сторонам российской действительности».

Историческая экспертиза является разновидностью социогуманитарной, но намного превосходит ее по возрасту. Использование «груза прошлого» в разрешении политических конфликтов восходит ко времени первых цивилизаций. Его возможности по достоинству были оценены и использованы при развязывании множества конфликтов и полномасштабных войн, этнических столкновений и пропаганде превосходства одних народов над другими. К сожалению, с тех пор мало что изменилось: историей по-прежнему оправдывается сложившееся положение дел и обосновывается его вековая предопределенность. Вместе с тем проведение исторической экспертизы не только возможно, но и необходимо, что обуславливается, по крайне мере, двумя вполне очевидными обстоятельствами. Во-первых, высокой значимостью знания о прошлом в общественном сознании российских народов; его «живым» присутствием в обеспечении жизнеспособности их национальных образований, границы и смысл существования которых обретают свою легитимность только в пространстве исторических реалий. Во-вторых, специфическим характером взаимосвязи исторической науки и социальной практики, наиболее характерной для национальных регионов и обеспечивающей поддержание желаемого образа прошлого. Выход в свет любого исторического сочинения, так или иначе затрагивающего судьбу «титульного» или «коренного» этноса, становится здесь событием общественно-политической значимости и предметом политических споров.

Итак, на что же способно историческое знание в качестве экспертного? Во-первых, на выявление взаимосвязи между практиками современного историописания, состоянием массового сознания и устойчивостью развития региона. Во-вторых, на определение параметров и характеристик выявленной взаимосвязи. И наконец, на установление «коридора возможностей» воздействия знаний о прошлом на состояние и перспективы развития региона. Рассмотрим на примере южного макрорегиона реализацию экспертных возможностей исторического знания. Южный макрорегион, в состав которого входят различные административные и национальные образования, а население тяготеет к предельной выраженности этнического и конфессионального разнообразия, относится к территориям с большими возможностями для развития и к самым проблемным регионам России. Амбивалентность этой характеристики исходит из множественности системообразующих признаков, крайне неравномерное распределение которых в пределах региона приводит к неустойчивости существования самой системы. Неравномерность как базовая системообразующая характеристика макрорегиона становится источником фонового (шумового) напряжения его развития. Проявления фоновой напряженности весьма разнообразны и колеблются от особенностей ресурсного обеспечения до болезненного восприятия прошлого, «живым» напоминанием которого все еще становятся территориальные конфликты и «войны памяти». По оценкам экспертов, в 1990-е гг. «динамика напряженности на юге России была во многом обусловлена усилением значимости исторического контекста в связи с ошибками и просчетами федерального центра в формировании и проведении региональной этнополитики» [12, с. 73]. Именно в этот период инструментом этнокультурной идентификации северокавказских народов стала историческая память с ее болезненным отношением к событиям Кавказской войны XIX в., национально-государственному строительству и депортациям. И хотя позже удалось достигнуть снижения «исторического» фона конфликтности в регионе, он все еще остается довольно высоким и во многом провоцируется непродуманными мероприятиями власти.

К их числу можно отнести широко отмеченные в конце 2007 г. 450-летние юбилеи присоединения северокавказских республик к России. Не говоря уже о научной некорректности и

сомнительности оценок подобного рода событий, их политическая непродуктивность оказалась более чем очевидной. Юбилейные мероприятия в Кабардино-Балкарии вызвали протестные реакции со стороны ряда общественных организаций республики. Общественная организация «Черкесский конгресс Кабардино-Балкарской республики» опубликовала заявление, в котором выразила протест против официально принятой формулировки «450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства». Часть балкарской общественности посчитала, что праздник — исключительно кабардинский, так как 450 лет назад в союз с Россией вступили адыги (кабардинцы, черкесы и другие адыгские племена), балкарцы же оказались в нем намного позже. В мае 2008 г. по инициативе общественной организации «Совет старейшин балкарского народа» был организован балкарский праздник, посвященный 180-летию добровольного вхождения Балкарии в состав России.

История и современность. Отношения истории (исторической памяти) и современности могут иметь разные измерения. Одним из них выступают предложенные французским историком П. Нора «места памяти» — «это красивое выражение, ставшее золотой жилой, находкой, благодаря его способности удовлетворить потребности коллективных переживаний»; это «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [13, с. 76, 79]. Для народов Северного Кавказа ими оказались: Кавказская война и ее последствия; мухаджирство и вызванная им трагедия адыгского этноса; депортация народов; советская национальная политика и репрессии 1920—1930-х гг. По характеру и силе воздействия на современное развитие народов юга России «память о прошлом» (в основном концентрируемая в «местах памяти») условно подразделяется на ту, которая постоянно присутствует в жизни народов и все происходящее как бы пропускает через себя, и ту, которая действует избирательно, актуализируясь только при определенных обстоятельствах. Общества с первым типом воздействия памяти являются «*горячими*», со вторым — «*холодными*».

Наличие в регионе системного этнополитического кризиса, протекающего в условиях начавшегося процесса реполитизации этничности и архаизации общественно-политической жизни северокавказских народов, требует комплексной экспертизы, непременной составляющей которой и оказывается знание о прошлом, амортизируемое особенностями национального сознания и исторической памяти. Людская память, находящая отражение в массовом сознании современников, весьма подвижна и крайне переменчива. Ее артикуляция требует особых усилий и выходит за пределы собственно профессиональных возможностей историка. В данных обстоятельствах он переориентирует свои усилия на создание так называемых «проблемных зон» в изучении самого прошлого, которые со временем реифицируются и обретают статус «трагических страниц в истории целых народов», что наиболее наглядно отражается в изучении советского прошлого бывших «национальных окраин» страны.

Превращение истории во влиятельный ресурс современной политики и кардинальные изменения, происшедшие в самом знании о прошлом за последние полтора — два десятилетия, в свою очередь, актуализируют проблему социального экспертирования исторических исследований. Необходимость выработки нового формата оценки создаваемых образов прошлого осознается не только официальной властью, но и профессиональным сообществом, все активнее включающимся в процесс выработки критериев «социально безопасного прошлого».

Наглядным тому подтверждением может служить все еще продолжающийся скандал вокруг учебника А. И. Вдовина, А. С. Барсенкова «История России. 1917—2009», где, по заключению ряда экспертов, «нарушена историческая справедливость в отношении прошлого отдельных народов нашей страны». Реакцией Академии наук и Министерства образования Чеченской Республики на тиражирование в учебнике «фальсифицированных данных об участии чеченского народа в Великой Отечественной войне» стало требование «предварительного вычитывания всех методических материалов по истории России». Необходимость

столь жесткой меры обосновывается «невозможностью допустить учебники, в которых искажаются факты и пишется, что в истории Чечни был только терроризм». Подобное экспертное нововведение уже вызвало протестные отклики историков. Между тем сам факт столь беспрецедентной по своим масштабам кампании является доказательством рождающегося на глазах проекта «безопасного прошлого», основными создателями которого выступают уже не историки, а политики, общественные деятели и представители творческой интеллигенции.

При всем своем сюжетном разнообразии пространство современной северокавказской историографии явно тяготеет к осмыслению так называемых проблемных зон прошлого региона. Их образуют исторические события, все еще не получившие общепринятой оценки специалистов и болезненно воспринимаемые общественным сознанием. Изучение такого рода сюжетов влечет за собою своеобразный эффект воронки, втягивающей в орбиту собственного разрушительного действия многие близлежащие и отдаленные события.

Индикаторами «проблемных зон» в изучении прошлого народов Северного Кавказа до недавнего времени выступали излишняя полемичность в изложении тех или иных исторических сюжетов, а также их прямое воздействие на развитие региона в целом. Основным методом диагностирования их проблемности признавался дискурсивный анализ, основывавшийся на выявлении соотношения позитивно и негативно окрашенной лексики в характеристике основных действующих сил. Его недостатками признаются отсутствие фиксируемой взаимосвязи между позицией, излагаемой исследователем, и внешними каналами ее формирования. Иными словами, метод дискурсивного анализа выявляет лишь научную проблемность изучаемого явления, не давая оценки его социальной значимости.

Восполнить этот недостаток призваны методы социальной экспертизы, давно и успешно применяемые в оценках проектных инноваций. К ним следует отнести принцип *Парето-эффективности* и *шкалу апрейзеров*. Существование нескольких вариантов решения поставленной проблемы, в том числе и в исследовательской сфере, неизбежно создает ситуацию выбора. Ее реализация осуществляется посредством применения принципа Парето-эффективности, суть которого сводится к тому, что повышение социального самочувствия одного объекта не должно сопровождаться снижением социального самочувствия другого объекта.

Качественным определителем предельно допустимой нормы такой неснижаемости выступает шкала апрейзеров, построенная по принципу возрастания ощущения напряженности. Шкала основана на двоичном коде совпадающих количественно-качественных характеристик измеряемого объекта и включает в себя показатели от низкого до высокого уровня (низкий — средний — высокий). В пределе любое диагностируемое явление измеряется девятью позициями: от «низко-низкого» до «высоко-высокого». Нормальным признается состояние объекта, оцениваемого в позициях «средне-среднего». Первая позиция отражает нормативное представление о его состоянии, вторая — оценку потребителя. Применение данных методов в экспертировании исторической продукции позволяет, с одной стороны, учитывать мнение профессионального сообщества о ее соответствии научным параметрам (принцип Парето-эффективности), с другой — реагировать на социальный эффект, вызываемый подобного рода исследованиями (шкала апрейзеров). Таким образом, у экспертного сообщества появляется вполне реальная возможность своевременной оценки социального потенциала издаваемых исторических сочинений и учета его при разработке программ устойчивого развития региона, а также профилактики роста радикальных идеологий.

К большому сожалению, прошлое все реже удерживается в границах некогда отведенной ему территории. Преодоление профессиональных барьеров превратилось в последнее время в несколько сомнительное предприятие по оправданию непреходящей востребованности исторического знания. Однако, как свидетельствуют современные практики и стратегии проблематизации прошлого, чрезмерная активность самого профессионального сообщества в этом направлении не столь безопасна и полезна. Настойчивая артикуляция отдельных

исторических сюжетов, предварительно выстраиваемых исследователем в соответствии с корпоративным пониманием сути и логики исторического процесса, становится достоянием общественного сознания, которое, в свою очередь, властно вторгается в настоящее, предопределяя ход его последующего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батыгин, Г. С.* Тематический репертуар и язык социальных наук / Г. С. Батыгин // Россия реформирующаяся. М. : Институт социологии РАН, 2002. С. 91—102.
2. Указ Президента РФ от 20.05.09 о создании «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. Федеральный выпуск № 4913 (89) от 20 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/gazeta/rg/2009/05/20.html. Дата доступа: 28. 08. 2011.
3. *Глебова, Н. И.* Кто мы? Историческая память и национальное самоопределение в современной России / Н. И. Глебова // Россия и современный мир. 2009. № 1. С. 5—25.
4. *Живов, В.* Наука выживания и выживание науки / В. Живов // Новое литературное обозрение: Специальный выпуск «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России». 2005. № 4. С. 25—33.
5. *Зенкин, С.* Свидетели, историки, филологи / С. Зенкин // Новое литературное обозрение: Специальный выпуск «Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России». 2005. № 4. С. 557—565.
6. *Дахин, А. В.* Новая волна в изучении социально-исторической памяти: философия, история, социология / А. В. Дахин // Судьба исторической науки в современной Восточной Европе: материалы науч.-практ. конф.. Вып. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. С. 82—102.
7. *Репина, Л. П.* История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. М. : Дрофа, 2004. 288 с.
8. *Гуревич, А. Я.* Медиевистика на распутье. О книге Х. В. Гетца / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. 2004. М. : Наука, 2004. С. 351—364.
9. *Буравой, М.* Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире / М. Буравой // Социс. 2009. № 4. С. 3—9.
10. *Веверка, М.* Некоторые соображения по прочтению статьи М. Буравого «Что делать?» / М. Веверка // Социс. 2009. № 4. С. 9—13.
11. *Авксентьев, В. А.* Конфликт цивилизаций: pro and contra (Мнения экспертов) / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, А. Ю. Хоц // Социс. 2009. № 4. С. 73—81.
12. *Авксентьев, В. А.* Динамика регионального конфликтного процесса на юге России (экспертная оценка) / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, А. В. Дмитриев // Социс. 2007. № 9. С. 70—77.
13. *Нора, П.* Франция — память / П. Нора. СПб. : Б. и., 1999. 328 с.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена социальному потенциалу современного исторического знания. Особое внимание уделяется его экспертным возможностям и необходимости оценки исторической продукции обществом. Рассмотрены модели взаимодействия истории и памяти, а также влияние этой взаимосвязи на состояние и развитие современного российского общества. Сделан вывод о гражданской ответственности историка.

SUMMARY

The article is devoted to the social potential of the contemporary historical knowledge. Particular attention is paid to her expertise possibilities and the need for evaluation of the historical product of the society. It looks the models of interaction between history and memory, as well as their impact on the state and development of contemporary Russian society. It is concluded that the civil liability of the historian.

Статья поступила в редакцию 18 сентября 2011 г.